

Денис Гусев

Сундук

16+

Денис Гусев

Сундук

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гусев Д. М.

Сундук / Д. М. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Всё человеческое бытие предстаёт перед глазами главного героя рассказа - деревянного сундука. Он - объект любви и ненависти. Ему предстоит понять что есть добро и зло. Что есть судьба. Что есть жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глава 1

Я живу на свете уже очень и очень долго. Пожалуй, я не смогу ответить на вопрос «сколько мне лет», да и, признаться честно, ответ мне ни к чему. Я просто знаю, что уже слишком стар. Мои петли скрипят, как никогда. По телу уже давно пошли волнообразные трещины. Древесина иссохла настолько, что достаточно теперь одного – даже самого неловкого удара, – чтобы пробить брешь, обнажив нутро.

А ведь когда-то, помнится, все было иначе. Румянее и крепче был я в те далекие времена, когда в уютной лавочке старого мастера Ганса обрел свой первый дом. Эти воспоминания сменяются теперь передо мной картиной настоящего – едва уловимая полоска света под дверью, посреди всепоглощающей тьмы. Что-то давит на меня сверху, не давая свободно продохнуть. И этот густой, обволакивающий запах гнили, который поначалу казался невыносимым. Но со временем привыкаешь ко всему.

Мне неоднократно приходилось слышать обрывки их разговоров о том, что от меня давно пора избавиться – выбросить как хлам, который только и делает, что занимает лишнее место в чулане.

Если бы мне предоставилась возможность избрать свою участь, я бы пожелал покончить со всем этим. Как жаль, что у меня нет ног. Иначе бы я прошел к ближайшему окну и, открыв его, сделал шаг навстречу избавлению.

На своем веку я повидал разных хозяев. Кто-то из них лелеял меня и обращался бережно. Иной, наоборот, в порыве пьяного гнева бил ногами, обутыми в тяжелые сапоги. Одни бережно хранили во мне ткань, другие – пустые бутылки.

Настенные часы пробили двенадцать. Полночь. Можно попробовать уснуть, но все мое тело изнывает от давящей боли. И, чтобы как-то о ней не думать, в такие глухие, одинокие ночи мне ничего не остается, кроме как придаваться воспоминаниям.

Услышав бой часов мое сердце – а, вернее, то, что от него осталось, – начинает сжиматься. Тяжесть охватывает тело, придавливая его еще ближе к запыленному полу. Остатки смолы, как человеческие слезы, начинают выступать на моей поверхности. Сквозь охвативший меня тягостный дурман, начинают проступать черты, линии и изгибы моего первого дома. Лавка мастера Ганса предстает желанным видением, в котором я хочу очутиться наяву. Пряный запах древесного пола, приглушенное освещение и различная утварь: сундуки, деревянная посуда, настенные часы причудливой формы, – все это вновь предстает передо мной.

В лавке я стоял около стекла, разделявшего её умиротворенный мир от многолюдной улицы. Проходившие мимо молодые барышни, бойко вышагивающие юноши, солидного вида господ и дамы, – каждый из них, казалось, задерживал на мне восхищенный взгляд. В такие моменты внутри меня пламенел крохотный огонек, разливая опьяняющее тепло по деревянным жилкам. Некоторые даже замедляли свой шаг, чтобы получше рассмотреть дивную резьбу, обрамлявшую все мое тело, и макушку, увенчанную посеребренной рукоятью, на которой были искусно вырезаны инициалы моего создателя.

О самом мастере Гансе мне известно немного. Не знаю, была ли у него семья. Быть может, именно мы были его единственной семьей. Каждое утро, пока рассветные лучи только-только начинали обдавать еще пустынную улицу, мастер приходил в лавку. Я видел, как он не спеша подходил к двери. Его осанка была прямой, да и сам он обладал выдающимся ростом, поэтому со спины, глядя на его походку, нельзя было сказать, что идет пожилой человек.

Я запомнил его бодрым и дружелюбным. Приведя себя в порядок, он принимался делать то же самое с нами. Кого-то он тщательно протирал ветошью, тихонько нашептывая что-то. Кого-то слегка поправлял. В его движениях не было грубого, делового, механического начала.

Наоборот, он обращался с нами как с собственными детьми. В сути своей, мы и были таковыми. Меня, например, он часто поглаживал по румяным бокам. Затем переходил к настенным часам или саквяжу. Бережно стирал с них накопившуюся за ночь пыль и, отходя, мягко, по-отцовски, похлопывал. По мере того, как улица постепенно наполнялась людьми, подходило время открытия лавки. Прежде чем повернуть ключ в замочной скважине двери, старый мастер еще раз поправлял свой жилет с вышитыми на нем узорами, немного приглаживал свои традиционные черные брюки, в которых он появлялся почти каждый день, смотрелся в зеркало, приглаживая седые волосы и густую бороду. Исполнив свой ежедневный ритуал, он подходил к двери, чтобы отпереть замок и повесить табличку «открыто». Так начинался каждый наш день.

Шло время. Дни сменяли друг друга с завидным постоянством. Люди несколько им не уступали. Мне всегда нравилось наблюдать за ними. Я пристально всматривался в их лица, особенно меня интересовали глаза: за тот краткий миг я пытался выхватить кусочек мира, который существовал за ширмой их одеяний. А ночами, тихими и безлюдными, я смотрел на белые крупинки, которые кто-то, к сожалению, неведомый мне, так хаотично рассыпал на чернеющей глади далекого неба.

Однажды ночью тихо покоившийся мир был осквернен, впервые – на моих глазах. Этот случай оставил первую глубокую отметину боли в моем сердце.

Сначала я услышал чьи-то крики, доносившиеся издали. На улице было безлюдно, поэтому я подумал, что какие-нибудь ночные гуляки ругаются вдалеке. Затем я увидел силуэт. Это был человек, от кого-то стремительно убегавший. Следом появились его преследователи: двое крупных мужчин, чья тяжелая поступь доносилась до меня. Они догоняли убегавшего.

Фонари на противоположной стороне улицы не горели, поэтому я не мог разглядеть их лиц, но дальнейшее помню отчетливо: преследователи, повалив убегавшего на землю, начали неистово избивать его. Удары сыпались по спине, голове, а некоторые по лицу.

Не помню, сколько длилось это зверство – ощущение было таким, словно время остановилось но, после того, как они второпях обыскали карманы своей жертвы и поспешно скрылись, оставленный ими больше не пошевелился.

Всю оставшуюся ночь я не сводил с него взгляд, думая о том, как мир, обрамленный первозданной красотой, может терпеливо сносить подобную жестокость? Почему звезды не погасли, отворачиваясь от человека и дел его рук? И как могут мирно существовать великая гармония ночного неба и неистовое безумие человека?

Я не сомкнул глаз до самого утра. На рассвете, отразившимся золотистыми переливами на мостовой, первые прохожие обнаружили тело. Оно одиноко покоилось на холодных камнях и ни в чем больше не нуждалось.

Пытаясь избавиться от ночных воспоминаний, я закрыл глаза в надежде на сон.

Глава 2

Я не могу вспомнить своих нынешних хозяев. Не знаю почему, но их манеры, привычки, как и облик, давно затерялись среди закоулков памяти. Мне представляется, что в виде неведомого, почти прозрачного облачка, воспоминания скитаются по лабиринтам сознания и, случайно наталкиваясь друг на друга, сливаются. Одно воспоминание наслаивается на другое, образуя третье, которое становится слепком вымысла и действительности.

Я помню много из пережитого мной. Случалось разное – как плохое, так и хорошее. Что-то запоминалось невольно, а что-то я сознательно пытался отложить в памяти. Самое желанное в моей коллекции – Хельга.

В тот день улица была, по своему обыкновению, шумной. Пешеходы наряду с автомобилями разрезали её вдоль, стремглав проносясь мимо. Редкий прохожий не поддавался спешке. Небо нахмурилось, вот-вот собираясь окропить мостовую дождем.

Наша лавка пустовала. В то утро нас посетило всего несколько человек. Каждый из них почти в точности повторял действия предыдущего: сначала прошелся вдоль витрин, затем задал пару вопросов мастеру, чтобы чем-то оправдать свое появление, и стремительно удалялся.

Я смотрел через витринное стекло на потускневшую мостовую. Сонливость не давала покоя. Я сомкнул веки, решив немного вздремнуть.

Громовой раскат разбудил меня. Чередой пронеслось несколько глухих ударов. Звук был настолько грозным, что, казалось, переполненные облака кто-то распорол резким ударом ножа, вывалив их содержимое наружу. Последний раскат помог мне окончательно высвободить сознание из омута сна.

Быстрым шагом прохожие пытались преодолеть расстояние до ближайшей подворотни, лавки или небольшого козырька, под которыми можно переждать дождь, с каждой минутой превращавшийся в ливень.

Несколько прохожих забежали к нам в лавку. Закрыв за собой дверь и принеся холодный уличный воздух, они любезно попросили мастера Ганса разрешение переждать, как они выразились, «настоящую бурю».

Старый мастер одобрительно покачал головой. Затем предложил гостям чай, дабы не простудиться. Они, поблагодарив, отказались. Их было трое: мужчина и две молодые барышни.

– Раз уж вы все равно здесь, не желаете посмотреть товар? Может, что-нибудь, да и приглянется, – спросил мастер Ганс.

– Почему бы и нет, – произнесла одна из девушек, одетая в темно-зеленое пальто. – Я столько раз проходила мимо этой лавки и ни разу не заглянула внутрь.

– В самом деле, – поддержала её вторая. – Ливень может затянуться, а я уже давно хотела приобрести новые настенные часы.

Они вдвоем направились к витринам. Мужчина остался стоять около двери. Он нетерпеливо поглядывал на свои часы на цепочке, затем убирал их во внутренний карман и продолжал смотреть на улицу.

Одна из девушек остановилась напротив часов, долго разглядывала их. Мастер Ганс стоял рядом, отвечая на её вопросы.

Девушка в темно-зеленом пальто успела обойти весь зал. Она была увлечена, но не более. Её интерес представлял собой интерес любопытствующего посетителя музея, у которого, все же, есть дела поважнее. Теперь она стояла в нескольких шагах от меня, глядя на мостовую, заливаемую водой. Капли били в стекло сильнее прежнего. Только теперь мне удалось разглядеть её детское лицо. Да, оно было именно детским. И большие зеленые глаза тоже отливали

детской наивностью и чистотой. Но во взгляде иногда проступал ребенок, который отчаянно хочет казаться взрослым. И это делало её еще милее.

Я не отводил от нее взгляд. Она подошла ближе. В её глазах проступила заинтересованность.

– Сколько будет стоить этот сундук? – спросила она, обернувшись.

Мастер подошел к ней, оставив девушку, интересовавшуюся часами, наедине.

– Очень хороший экземпляр. Один из моих самых любимых, – сказал мастер.

Он погладил меня своей теплой, мозолистой ладонью, тоже самое сделала девушка. Её ладонь оказалась миниатюрной и нежной.

– Кажется, дождь заканчивается, – произнес мужчина, стоявший у входа. – Можно потихоньку выбираться. Благодарю вас за приют. Всего доброго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.